

ОЛЕГ ЦАРЕВ:

Русьдатура. - 2004. - 15-21
апр. - с. 11

Модерн – это жизнь на пороге

Нынешний сезон для Московского театра "Модерн" п/р Светлицы Враговой – юбилейный.

Театр возник пятнадцать лет назад на волне студийного движения. Основу труппы составили выпускники Щепкинского училища.

Заслуженный артист России Олег ЦАРЕВ в этом театре с первого дня.

– Олег, вы ученик Михаила Царева и носите ту же фамилию. Сразу хочется спросить: родственник или однофамилец?

– Нет, здесь другая история. Когда мы выпускали спектакль "Катерина Ивановна", где я играю Георгия Стибелева, у меня никак не получалась одна важная сцена. Врагова долго со мной мучилась и наконец сказала: ну представь себе, как бы это сделал Царев. И после этой подсказки роль вдруг пошла. Его дух словно помог мне, и я решил взять псевдонимом фамилию своего учителя. Мы позвонили Варваре Григорьевне, его жене, и она позволила это сделать.

– А не было страшно?

– Не было. Ведь я его ученик, и он со мной очень долго репетировал Рюи Блаза, свою любимую роль. Он вообще любил наш курс и при всей своей занятости приходил к нам очень часто.

– Как возникла мысль создать театр?

– Еще когда мы выпускали дипломный спектакль "Дом" по Ф.Абрамову, много было разговоров о том, что хорошо бы на базе этого курса сделать театр, потому что курс был действительно талантливым. Подыскивался руководитель. И вот нашли Светлану Врагову. Правда, случилось это уже через год после выпуска. К тому времени меня взяли в Театр имени Станиславского и даже стали вводить на роль Кристиана в "Сирано де Бержераке" Бориса Морозова, где Сирано играл Сергей Шакуров. И хотя выбор был, решение пришло мгновенно: все вместе, в своем театре – это же здорово!

– Потом была "Дорогая Елена Сергеевна" Разумовской и триумф с этим спектаклем в Америке, закончившийся тем, что половина труппы ушла из театра. Как почувствовал, что такой хороший, дружный курс так быстро разбежался?

– Ну это же нормально, что талантливые люди ищут свою дорогу. К тому же ушли те, кто не был занят в "Елене Сергеевне". Им еще и обидно было: пять человек похищают лавры, а они как бы не у дел. Мы репетировали и другие спектакли, но так получилось, что на Олимп прорвалась "Елена Сергеевна". Хотя профессия актера подразумевает умение ждать, они, к сожалению, этого делать не стали, решили прорываться поодиночке. Увы, большинство из них просто

О. Царев

исчезло с карты театральной Москвы.

– После этого Театр-студия на Спартаковской превратился в Театр "Модерн". Вы не опасались тогда, что театр станет заложником одного стиля и вам придется без конца играть каких-нибудь декадентских персонажей?

– На самом деле тогда действительно мало кто понимал, что такое модерн, поэтому отнеслись к смене названия спокойно. Мы вроде просто сменили вывеску: выпустили "Катерину Ивановну" и стали называться "Модерном". Уже потом постепенно начали постигать, что это название подразумевает.

– И что оно подразумевает сегодня?

– Я могу сказать о своем эмоциональном восприятии. Модерн – это же не только определенный внешний стиль. Это момент, когда мир застыл на пороге жизни и смерти. Помните, на фронтоне МХАТа пловец? Над ним зависла волна, и неизвестно, выживет он или не выживет, накроет его волна или нет. Он сейчас находится на грани. И модерн – это вот такое состояние между жизнью и смертью, когда ты или погибнешь, или выживешь. Так я понимаю внутреннее содержание модерна.

– Как вам работаете с режиссером Враговой?

– Замечательно, хотя и тяжело, потому что за пятнадцать лет она прекрасно изучила все мои возможности и каждый раз пытается вывернуть меня наизнанку, чтобы я не повторялся. Вот сейчас мы репетируем "Старый дом" – это ранняя и, по-моему, лучшая пьеса Казанцева. Я играю алкоголика, отца главной героини. Материал кажется настолько простым, что бери и играй. И мы начинаем что-то придумывать. Придумали, что он играет на баяне. Полгода я осваивал баян, буду под баян петь арию Демона.

– Зачем?

– Как зачем? А "чем удивлять будешь"?

– Для вас просто хорошо сделать роль мало, важно удивить?

– Конечно. Если твою роль может точно так же сыграть другой, зачем вообще выходить на сцену? Это

принцип. По крайней мере, мой. Даже из чисто эгоистических соображений: сделать так, что никто не сможет повторить.

– Почему и вас, и ваших актеров нечасто видишь на экране? Это установка театра – закрываться, ни на что не отвлекаться?

– Нет никакой установки. За всех говорить не могу, а у меня предложений много, просто стараюсь сейчас очень внимательно выбирать. Скоро у меня как раз предстоит очень интересная работа в кино. Роль потрясающая – русский офицер. А что касается сериалов, то я уже свое самолюбие потешил, больше я в этом не участвую.

– Но сегодня сама актерская профессия подразумевает как бы еще и представительскую часть: обложки, тусовки. И сразу понятно, что артист – "в обойме":

– Шущина не забудут, хоть он и не мелькал на обложках, Высоцкого не забудут. А сегодня каждый диктор, выходя на экран, повторяет: "Заломните, с вами был Сидор Сидоров!" Прошел сериал, и все кричат: артист Б. – гениальный артист! Потом помелькал он в журналах – и где этот артист Б.? Сегодня искусство нивелировалось до глянцевого обложки, но это пройдет.

– Вы отдаете себе отчет, кто он, ваш зритель?

– Нормальный здоровый российский или зарубежный зритель. Какого-то особенного у нас нет.

Мы пытаемся вызвать сопереживание, чтобы человек не оставался безразличным. Если с ним говорят несерьезно, то и он будет несерьезен: пришел, трюки режиссерские посмотрел, посмеялся и забыл.

– Режиссер Врагова на репетициях позволяет артистам иметь свое мнение?

– Она производит впечатление диктатора. Режиссер и должен быть диктатором. Но она всегда слушает актеров и часто соглашается, если это по делу. Когда спектакль на выпуск, все идет в одну корзину. И не имеет значения, кто что принес, важен результат. И потом, мы долго работаем над спектаклями. Для "Счастливого события" почти год осваивали цирковые номера. В "Петле" тщательно работали с автором пьесы.

– Как вы считаете, какое место занимает сегодня Театр "Модерн" на театральной ландшафте Москвы?

– Он стоит особняком. И с недоумением смотрит на многие вещи, которые происходят в московских театрах. Сегодня многие режиссеры разучились работать с актерами. Врагова – одна из тех, кто это еще умеет. Не полотно выстраивать со статистами, не прятаться за трюками и режиссерскими находками, а работать с актером так, чтобы его душа соприкоснулась с душой режиссера и одновременно с душой зрителя.

Беседу вела
Мария КОЛГАНОВА